

МАРИНА  
БОЛДОВА

Читайте романы  
Марины Болдовой в серии  
«Остросюжетный семейный роман»



Любимые женщины клана Крестовских

Рубины для пяти сестер

Два сына одного отца

Клетка семейного очага

Трудные леди школы Бауман

Свои чужие люди

Тайна родной крови



МАРИНА  
БОЛДОВА

*Свои  
ружкие  
люди*



Москва  
2020

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Б79

**ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!**

**МЫ В СОЦСЕТЯХ:**

[www.eksmo.ru](http://www.eksmo.ru)

 **vmirefiction**

 **read\_action**

Оформление серии и иллюстрация на обложке  
*А. Дурасова*

Редактор серии *Ю. Милоградова*

Издано при содействии *И.В. Сопикова*

### **Болдова, Марина.**

**Б79** Свои чужие люди / Марина Болдова. —  
Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Остросу-  
жетный семейный роман).

ISBN 978-5-04-108539-1

Несчастливая разведенка, сбежавшая от деспотичного мужа; бывший военный, потерявший семью; тихий безработный пьяница, неудачливый журналист; проститутка, решившая «завязать», — все эти люди конченные неудачники. И когда, казалось, уже все потеряно, судьба дает им шанс в виде необычного подарка: нескольких квадратных метров в коммуналке и банковской карты на небольшую сумму. И простое на первый взгляд условие — наладить свою жизнь. Суперприз — квартира. Но все оказывается сложнее: старые стены хранят много тайн, а чужие еще вчера люди становятся участниками одного спектакля. И кто обретет свою любовь, а кто умрет, пока неясно...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Болдова М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108539-1

*«...Если мы что-то не можем потрогать или понять, это не значит, что этого нет. Все проще — у нас нет для этого способностей...»*

\* \* \*

Беркутов резко встал и выбежал в коридор.

— Это его мобильник надрывается, — пояснила Галина поведение мужа.

— Да. Я понял. Выезжаю, — донеслось из коридора, и скоро Беркутов уже показался на пороге кухни, на бегу застегивая куртку.

— В вашей квартире убийство. Поехали. — Беркутов посмотрел на Маринина и Алю.

«Я уверена, что с квартирой Эмилии Фальк будут сложности. Я бы даже сказала, неприятности. Не знаю какие, но это коснется тебя, Егор», — вспомнил Беркутов слова Ляли.

## Глава 1

Иван Семенович Качинский ждал ее, пытаясь по словесно нарисованному его другом следователем Беркутовым<sup>1</sup> портрету понять, зачем ей он, скромный нотариус районной конторы. С таким именем ей следовало иметь своего, проверенного, из поколения в поколение ведущего дела фамильные. Но Эмилия Яновна Фальк попросила Егора познакомить ее именно с районным нотариусом. Качинский с Беркутовым учились в одном классе, дружили необременительно друг для друга, особо не навязывая заботу, но и не оставляя без поддержки.

Иван хорошо подготовился к встрече, максимально используя интернет и даже посетив областную библиотеку. Сведений собрал совсем чуть, что очень его удивило — фамилия Фальк была исторически «на слуху» среди городских историков и краеведов.

---

<sup>1</sup> Беркутов Егор Иванович — персонаж романов «Память», «Два сына одного отца», «Хроника семейного очага», «Трудные леди школы Бауман».

...Профессор медицины Людвиг Фальк появился в Самаре из ниоткуда (сведений нет!) в 1740 году с женой и сыном. Практику он занял частную, от служения в окружной больнице отказался, сославшись на слабое здоровье. Этим он положил начало династии врачей, которые лечили жителей уездного города вплоть до революции. Чем не угодил новым властям последний представитель фамилии Фальк, Ян, в документах не указывалось. Но, фактически бросив на произвол судьбы дочь-младенца и не очень окрепшую после родов жену, он уехал из России. Жена Марта жаловалась на не верного ей мужа, плача на кухне большой коммуналки, бывшей же профессорской квартиры, уплотненной утвердившимся во власти пролетариатом. Соседки — тетки-станочницы механического завода — ее не понимали, не принимали и старались кто отвернуться от нывшей женщины, кто, откровенно сплюнув, вытолкать ее взащей. В своей комнате, бывшей кухаркиной, Марта наказывала маленькой Эмилии, чтобы та вела себя тихо, не пицала громко, дабы не злить соседок-тружениц. Сама Марта жила невесть на что. Вроде как могла она уколы делать, ходила по домам к больным, но много ли на этом наживешь? Не бедствовали Марта с дочерью и во время войны. Разносолов никто у них на столе не видел, но кусок хлеба с постным маслом на обед Эмилия съедала прямо в общей кухне, запивая кушанье горячей водой из чайника. Девочка рос-

ла в некоторой изоляции, занятая музыкой, но не медициной, нарушив тем самым традиции семьи. Выражение ее кукольного личика было отрешенным, словно не было здесь, на грешной земле, души Эмилии, а только плоть. Замуж она не вышла, прервав род Людвиг Фалька...

Все это Иван Качинский прочел в художественном очерке историка и краеведа Евы Бун. Почему Бун так заинтересовалась семейством Фальк, Иван так и не понял, но полагал, что речь все-таки идет о каком-то наследстве. Намеки на скрытое от людских глаз богатство в очерке просматривались, правда, очень уж призрачно.

Решив для себя, что Эмилия Фальк хочет сообщить ему именно об этом, Качинский возгордился на миг, но тут же сам себя и осадил: фантазией он обладал буйной, не раз из-за этого попадая в пикантные истории.

Эмилия Яновна Фальк представлениям о ней Качинского явно не соответствовала. Встреть он ее на улице, зацепился бы взглядом обязательно, до того она впечатляла. Никаких побитых моллю воротников из норки, нелепых шляпок а-ля двадцатые годы и смешных бархатных сумочек (соседка по дому, мнившая себя в прошлом графиней, имела все перечисленное). Синий костюм из легкой ткани был сшит по фигуре даже не в прошлом году, а в этом же сезоне и явно хорошим портным. Белые туфли на невысоком каблуке и хорошей выделки кожа сумки выдавали доста-



ток. Украшений не было, только небольшое золотое колечко на безымянном пальце левой руки.

Но самое главное было не это. От старушки (а Иван знал, что ей исполнилось девяносто девять!) исходила волна уверенности и покоя. «Все будет хорошо!» — промелькнуло быстро, и он искренне ответил на мягкую улыбку Эмилии Яновны.

— Егор Беркутов был так любезен, что согласился помочь мне найти помощника в одном деликатном деле, — витиевато начала Эмилия, заставив Качинского слегка покраснеть.

— К вашим услугам, — выдавил он и выжидающе замолчал.

— На самом деле в моей просьбе нет ничего сложного. Я хочу попросить вас оформить мою квартиру в наследство некоторым лицам и после моей смерти проконтролировать исполнение моей воли. Согласны?

Качинский кивнул.

— Вот документы на квартиру, — она протянула ему пластиковую папку. — Посмотрите внимательно, а потом я вам объясню, что я хочу.

Качинский прочел адрес и удивился. Дом был ему знаком. Там на втором этаже, в коммуналке, когда-то жил их с Беркутовым одноклассник. Квартира Эмилии Фальк была на первом. Пять комнат, две по двенадцать, три по двадцать метров. Огромная кухня, коридор. Да, такая квартира, даже находясь на окраине города, стоила баснословно дорого. А здесь был исторический

центр. «Так и есть. Двести тысяч евро», — прочел он заключение оценщика.

— Я все понял, Эмилия Яновна. И кто же наследники? — Он знал, что детей у нее нет.

— Прямых наследников на эту квартиру нет. Я бездетна. Нашему государству я такой подарок делать никак не хочу. — Она запнулась совсем чуть и тут же продолжила: — Я, наверное, должна буду все же немного рассказать о себе.

— Я слушаю вас.

— Мой отец бежал в семнадцатом. Как говорила мама, ненадолго. А получилось — навсегда. Он ничего с собой не взял, я имею в виду ценности, все осталось в доме. Никто и предположить не мог, что начнется «уплотнение». Мама с ужасом смотрела, как в наши комнаты втаскивали узлы грубые бабы, ломали на дрова нашу мебель, затаптывали наборный паркет. Ей пришлось прикинуться брошенной, несчастной, чтобы вызвать у них сочувствие, но все было напрасно. Больше всего она боялась, что найдут тайники. А они остались в каждой комнате, надежно скрытые, недосыгаемые. Мы жили тем, что зарабатывала уколами мама. Помогал в этом их с папой старый друг врач Никольский.

О тайниках мама рассказала мне незадолго до своей смерти. Не посчитайте меня меркантильной, но я решила, что добуду семейное добро. А для этого я должна была как-то попасть в комнаты соседей. Наверное, мне повезло. После войны в бывшую спальню родителей всели-

лась моя школьная учительница по литературе. Я была у нее частой гостьей. До сих пор со стыдом вспоминаю, как достала из первого тайника часть наследства. Как потом оказалось, самую существенную. Это было уже в шестидесятые годы. Лилия Михайловна под конец своей жизни впала в стойкий маразм, и я ухаживала за ней, оставаясь иногда и на ночь. Однажды, воспользовавшись ее беспамятством, открыла тайник. Там были мамины украшения. Оставалось найти способ, как изъять остальное. Но тут везение и закончилось. Сначала умерла старая работница, занимавшая бывший папин кабинет, где он принимал больных. Комнату отдали соседке, у которой было трое детей. Той, что жила в приемной с отдельным входом с улицы. А позже она заняла и еще одну освободившуюся комнату рядом с кухней. С этим все разраставшимся семейством я почти не общалась, доступа в их комнаты не имела. Это был тупик. Мамины кольца, серьги и броши я надежно спрятала у себя, только однажды снесла в скупку одно кольцо.

И только к 2015 году мне удалось расселить квартиру. Я опустошила все тайники, кроме одного.

Егор мне рекомендовал вас, Иван, как человека порядочного, поэтому я уверена, что вы честно выполните мою волю и удовлетворитесь размером комиссионных.

— Да-да, разумеется. — Качинский снова слегка покраснел. — Что я должен сделать?

— Во-первых, отнеситесь серьезно к тому, что я сейчас скажу, даже если это вам покажется несколько... экстравагантным. — Эмилия Яновна удовлетворенно кивнула, увидев его успокаивающий жест. — И оформите всю сделку юридически так, чтобы впоследствии не возникало никаких вопросов.

— Хорошо, — коротко пообещал Качинский.

— Вы знаете из истории, как пострадали многие русские люди от пролетарской революции. Но так называемая перестройка сломала судьбы не меньшему количеству людей. Я хочу дать шанс хотя бы некоторым из них заново встать на ноги. Это будут совсем незнакомые мне люди, можно сказать, случайные. Идея моя состоит в том, чтобы оказать этим выбитым из привычной колеи гражданам начальную поддержку. Я готова предоставить каждому жилье и некоторую сумму денег на первое время. Всем одинаковую. А жить они будут в моей квартире. Кроме того, я очень надеюсь, что эти люди после моей смерти будут вспоминать меня добрым словом и ухаживать за моей могилой. Последнее я хотела бы видеть одним из условий завещания.

— Но вы же, простите...

— Жива? Это ненадолго. У меня рак. Врачи не дают и месяца. Сегодня же я ложусь в хоспис, откуда уже не выйду. Вам сообщат.

От ее какого-то будничного тона у Ивана помимо воли защипало глаза. Он поморгал, глядя в сторону, и опять посмотрел на собеседницу.

— В ваших глазах нет жалости, Иван, только боль потери, — констатировала Эмилия Фальк немного удивленно.

Качинский только и смог, что согласно кивнуть. «Вот так бывает: видишь человека первый раз в жизни, за какие-то полчаса успеваешь к нему привязаться, а он...уходит. Насовсем», — подумал он с горечью.

— Я продолжу. — Эмилия Яновна вздохнула, словно утомившись. — По условию завещания квартира полностью отойдет тому или тем, кто действительно использует данный шанс с толком. Я понятно выразилась?

— То есть пять человек будут как бы бороться за право обладать квартирой? И кто же будет решать, кто на самом деле заслужил это право?

— Вы.

— Нет, это невозможно. Речь идет о слишком больших деньгах. Я не смогу взять на себя такую ответственность...

— Сможете, Иван.

— Они все передерутся! Вы, Эмилия Яновна, наивно полагаете, что все люди изначально порядочные, не так ли? А вы не думаете, что за такие деньги они могут пойти даже на преступление! Поговорите с Егором на эту тему, он вам расскажет...

— С Егором я уже это обсудила. Но вы меня не до конца выслушали. Сами участники моей идеи будут знать, что квартира может остаться-

ся им в собственность именно с этим условием. Это будет для них дополнительным стимулом, согласитесь.

— То есть заселяются они в нее временно, так? Как бы снимают?

— Да. Срок им — год. И вы должны только все это оформить юридически. Когда вы сможете подготовить документы?

— Сегодня к вечеру. Но я все же не согласен с тем, чтобы решать судьбу квартиры.

— Хорошо, — она вздохнула. — Тогда вы просто зачитаете им мое завещание полностью. Только по истечении года. И пусть решают сами. Согласны?

— Да. Но это, я вам скажу, тоже чревато.

## Глава 2

Влад стоял в центре круга и смотрел на склоненные головы, прищурив глаза. Теперь он был удовлетворен. Сегодня был подписан очередной договор на квартиру, тринадцатый по счету и самый крупный. Можно готовиться к отъезду. Хотя что уж тут готовить? Самолет через два дня, эту хибару, в которой он жил и работал последний год, продавать он не собирался, да и как продать? В ней прописано народу столько, что хватит заселить подъезд пятиэтажки.

Он монотонно читал молитвы, это совсем не мешало ему думать. Жалости к этим людям

не было. Влад с детства не терпел идиотов, не способных жить вне стада. Пионерского, комсомольского, церковного, без разницы. Стада, управляемого молитвой ли, лозунгами, опять неважно. Учась на психолога, он думал уже о том, как создаст свое, контролируемое только им, сообщество тупых и послушных людишек, которые положат к его ногам все, что ему нужно. Это оказалось легко. Так легко, что от первых же успехов закружилась голова. И тотчас возрос аппетит. То, что задумывалось: минимум благ в виде квартиры, машины и счета в российском банке, показалось смешным. Поработав в нескольких городах, он понял, что на родине ему тесно. И начал готовиться к отъезду.

Свечи догорали. Пора было заканчивать. Слова благодарности каждому члену стада были заключительным аккордом всех его проповедей. Он действительно благодарил. Вслух — за то, что пришли в Веру, закулисно — за то имущество, которое положили на алтарь этой веры. То есть ему, проповеднику.

Взгляд его остановился на темно-русых волосах молодой женщины. Он вздохнул. Печально и всепрощающе. Прощал не ее, себя. Прощал заранее, зная, что причинит ей, именно ей, невыносимую боль, которая, возможно, убьет ее. Честно, он колебался. Взять, не взять ее с собой. Если бы не ребенок! Да, он любил ее. Но через себя. Ольга любила так, что он не смог не принять ее любовь. Не было бы у нее сына...